

Несколько замечаний по поводу статьи А. Г. Абрамяна

А. Г. Абрамян задался похвальной целью подвергнуть критике монографию „Иосиф Эмин“. Он, конечно, не прав, утверждая, что по поводу этой книги еще не было сказано критического слова. Если бы он взял, например, рецензию, опубликованную в центральном историческом органе „Вопросах истории“ (в № 11—12 за 1946 г.), то он нашел бы там кроме „хвалебных слов“ и дельные критические замечания. Но само собой разумеется, что всякая дополнительная критика является более чем желательной, прежде всего, для самого автора, так как, выявляя допущенные ошибки, она, по справедливому выражению А. Г. Абрамяна, „помогает автору в его дальнейшей работе“.

К сожалению рецензия А. Г. Абрамяна не служит этой цели. Основным признаком здоровой научной критики является критика подлинных высказываний и тезисов автора. А. Г. Абрамян, однако, не придерживается этого правила.

А. Г. Абрамян стремится, прежде всего, обвинить автора в „пороке низкопоклонства“ перед буржуазным Западом. Он перечисляет имена лиц, с которыми Эмин был знаком во время своего пребывания в Лондоне. В связи с этим он утверждает, что „из описания проф. Иоаннисяна вытекает будто все английские лорды и высокопостав-

ленные чиновники являлись покровителями Эмина и его идей“. „Если все руководящие англичане — пишет он далее — любезно отнеслись к Эмину и его программе, то остается непонятным, почему Эмин в конце концов разочаровался, оставил Англию, ища реальную помощь в России. Это под давлением фактов, вынужден признать и сам проф. Иоаннисян“.

Выходит, будто автор изображает дело таким образом, что политическая программа Эмина встретила в Англии поддержку со стороны „всех английских лордов и высокопоставленных чиновников“, „всех руководящих англичан“. Выходит, следовательно, что автор затушевывает русскую ориентацию Эмина, говорит о ней вскользь, лишь „под давлением фактов“, изображая ее, как явление случайное и „непонятное“.

Все эти утверждения нельзя назвать иначе, как преднамеренным искажением основных тезисов книги.

Очутившись в Лондоне, Эмин действительно приобрел там друзей, а также некоторых покровителей из среды „высшего общества“. Это исторический факт, отрицать который невозможно, независимо от того, нравится он нам или нет. Автор книги, однако, постарался дать объяснение тому интересу, который проявляли к Эми-

ну некоторые „лорды“ и „леди“. столь тщательно перечисляемые А. Г. Абрамяном. „Этот внезапно возникший в лондонском свете интерес к молодому армянину носил, несомненно, несколько специфический характер. Этот человек Востока, так стремившийся к знанию и культуре и мечтавший стать освободителем своей далекой отчизны, был экзотической личностью, которой интересовались, особенно на первых порах, как своего рода „раритетом“. Не забудем,—читаем мы далее,—что как раз в это время начинался расцвет сентиментализма в английской литературе и такого рода романтические герои были в большой моде“ (стр. 27—28). Как видим, автор отнюдь не идеализирует отношение к Эмину некоторых представителей лондонского „высшего света“.

Но важно отнюдь не это. Эмин мог, конечно, и в Англии, как и в любой другой стране, иметь отдельных покровителей и даже друзей. Но как отнеслись к нему и его политической программе английские официальные „круги“? На этот вопрос мы находим в книге ясный и исчерпывающий ответ. Там подробно описывается, как Эмин в течение многих месяцев тщетно добивался свидания с главой английского правительства Питтом, как добившись, наконец, этого свидания, он вынужден был окончательно убедиться, что английские правительственные круги не склонны хотя бы в малейшей степени содействовать осуществлению его политической программы. В этой связи автор на нескольких страницах объясняет при-

чины подобного отрицательного отношения английских государственных деятелей к армянскому освободительному движению (стр. 51—55). „Сразу же после своего свидания с Питтом,—читаем мы далее,—Эмин понял, что ему нельзя было рассчитывать на поддержку своих политических проектов со стороны английского правительства.. Англия не была тем государством, которое могло заинтересоваться его планами и оказать ему политическую поддержку“ (стр. 55).

Как известно, Эмин совершил вслед за тем путешествие в Армению. Автор следующим образом резюмирует политические выводы, сделанные им в результате этой поездки: „Разочаровавшись в возможности добиться поддержки своих планов со стороны официальной английской дипломатии, он решил отправиться в Армению, а затем к грузинскому царю, чтобы там на месте попытаться осуществить свои мечты. По дороге он с увлечением вел пропаганду среди местного армянского населения, затем строил планы поездки в Карабах и в Грузию. Но в Эчмиадзине он ближе ознакомился с реальной обстановкой в Закавказье. Именно здесь он со всей конкретной реальностью понял то, о чем раньше лишь смутно догадывался в далекой Англии—что помощь великого русского государства является необходимой предпосылкой освобождения армян от рабства и угнетения, что даже помощь соседней Грузии в этом деле может быть обеспечена лишь в случае русской поддержки и русского покровитель-

ства обоим братским народам* (стр. 79).

Далее следуют основные разделы книги, в которых самым подробным образом описывается путешествие Эмина в Россию, его переговоры с русскими государственными деятелями, его план создания федеративного армяно-грузинского государства под покровительством России. „Заслуга Эмина — пишет в связи с этим автор — заключалась в том, что он сумел понять историческую необходимость для армян и грузин, тесного об'единения с государством великого и могущественного русского народа. Человек английского образования, выросший в далекой Индии и воспитанный в Англии, он сумел, после ряда исканий и романтических увлечений, правильно оценить создающуюся историческую обстановку и притти к единственно правильному политическому выводу“ (стр. 103).

Так обстоит дело с „английской ориентацией“ Эмина и положительным отношением к нему со стороны „всех руководящих англичан“.

Но А. Г. Абрамян пытается обосновать низкопоклонство автора перед Западом не только фактом знакомства Эмина с английским „лордами“. Он утверждает, что автор стремится доказать, что будто бы Эмин привез свои патриотические и освободительные идеи „из Лондона от английских колонизаторов“. Это серьезное обвинение. Ведь действительно, одним из проявлений низкопоклонства в нашей историографии являлось то, что некоторые исследователи объясняли возникновение

идей и учений передовых мыслителей нашей страны лишь влиянием Запада. Находились, например, исследователи, которые искали генезис антикрепостнических идей Радищева не в самой русской действительности, а приписывали эти идеи исключительно влиянию французской просветительной литературы. Если бы автор связывал возникновение освободительных идей Эмина не с армянской действительностью, а с влиянием европейской идеологии, то это было бы, разумеется, серьезной ошибкой.

Это, однако, не так. В книге подробно говорится о том, как еще в ранней молодости у Эмина сложились его освободительные идеи в результате знакомства с тяжелым положением армянского народа под ирано-турецким игом, о том, что даже его поездка в Англию объяснялась стремлением получить военное образование для борьбы за освобождение своей поработанной родины (стр. 8—15). Европейское просветительство, с которым он познакомился будучи в Лондоне, не было таким образом источником его освободительных идей, хотя оно и было использовано им впоследствии для их обоснования. Противопоставление естественного общественного строя, основанного на законности и свободе, противоестественному строю, основанному на насилии, право угнетенных сопротивляться насилию и защищать свою свободу — все эти идеи европейского просветительства служили прекрасными аргументами для обоснования справедливости и законности освободительной борьбы.

„Мысль об освобождении Армении — заключает автор — возникла у Эмина еще в ранней молодости, не из теории, а из практики, из непосредственного знакомства с современной ему тяжелой армянской действительностью. Но европейская просветительная философия дала ему в руки идейное оружие для борьбы за эту высокую цель и для ее обоснования“ (стр. 34).

Сказано кажется довольно ясно. Между тем, А. Г. Абрамян, не понимая, или делая вид, что он не понимает о чем идет речь, энергично доказывает, что „патриотизм и высокая освободительная идея“ существовали в Армении на протяжении веков и что „двадцатипятилетний Эмин до поездки в Лондон был преисполнен высокими освободительными идеями“. Ломясь таким образом в открытую дверь, А. Г. Абрамян (что самое любопытное) использует при этом данные, почерпнутые им из той самой книги, которую он столь энергично критикует.

„Попытка проф. Иоаннисяна — пишет он в заключение — игнорировать местный исток освободительного движения ошибочна и вредна“. Ошибочно и вредно, скажем мы со своей стороны, путем произвольных передержек, переиначивать мысли автора, с которым ведется полемика.

Быть может, однако, заявления А. Г. Абрамяна нужно понимать в том смысле, что, несмотря на свое утверждение, что он не отрицает „влияния передовой просветительной идеи своего времени на Эмина“, он все же считает предосудительным самый факт зна-

комства Эмина с европейской просветительной философией и пропаганды им передовых идей буржуазного просветительства? Видимо это именно так, поскольку А. Г. Абрамян полностью солидаризируется с высказываниями автора статьи, помещенной в 1795 г. в журнале „Аздарар“. В статье этой (сведения о которой А. Г. Абрамян опять-таки черпает из критикуемой им монографии) Эмин обвинялся в том, что он высмеивает невежество своей нации и увлекается чужеземными идеями. В этих высказываниях А. Г. Абрамян видит „здоровый подход к автобиографии Эмина“ и правильное разоблачение его „тенденциозности“ и его преклонения перед иностранщиной.

Как известно, опубликование в 1792 г. автобиографии Эмина, в которой пропагандировались передовые идеи буржуазного просветительства и резко бичевались религиозные предрассудки, невежество и все старые „традиции“, вызвало обострение внутренней борьбы в армянских колониях в Индии. Встреченное сочувственно в среде прогрессивных буржуазных деятелей, произведение это навлекло на него гнев со стороны консервативных клерикальных кругов. Споры, разгоревшиеся вокруг книги Эмина, нашли свое отражение и в печати. В издававшемся в Мадраса журнале „Аздарар“ появились по этому поводу три статьи. В первой из них приводился весьма положительный отзыв о книге Эмина, причем с похвалой говорилось о его „просвещенности“ и его „патриотизме“. В ответ на это в следующих но-

мерах журнала были опубликованы два письма в редакцию, в которых и содержались вышеупомянутые реакционные нападки на Эмина и его прогрессивные идеи.

Казалось бы, что для каждого советского историка, признающего принцип партийности в науке, должно быть предельно ясно, с кем солидализироваться — с передовым мыслителем своего времени Эмином, или с его реакционными хулителями. Оказывается, однако, что у А. Г. Абрамяна иная точка зрения. Невероятно, но факт! В наше время советский историк считал возможным открыто солидализироваться с клерикалзми-реакционерами XVIII столетия, правильно обвинявшими, по его мнению, Эмина в „тенденциозности“ и низкопоклонстве перед иностранщиной.

Известно, что когда книга Радищева „Путешествие из Москвы в Петербург“ попала в руки Екатерины II, то сама императрица написала на нее критику, в которой она обвиняла автора в том, что он „заражен французскими заблуждениями“, что он изливает „яд французский“ и что его воззрения „несходственны православному восточному учению“. Можно ли, однако, представить себе советского историка, который взялся бы на этом основании утверждать, что Екатерина II проявила „здоровый подход“ к книге Радищева и правильно разоблачила его низкопоклонство перед западными идеями? Думаем, что никто, кроме А. Г. Абрамяна, не будет добиваться этой чести.

Подобные более чем странные воззрения А. Г. Абрамяна можно,

повторяем, объяснить только тем, что он считает предосудительным самый факт влияния на Эмина передового европейского буржуазного просветительства. Он явно путает при этом два различных обстоятельства. Как мы уже отмечали выше, было бы совершенно неправильно считать, что освободительные идеи Эмина или, скажем, антикрепостнические идеи Радищева явились исключительно продуктом иноземных литературных влияний, а не возникли самостоятельно, в результате знакомства с современной русской и армянской действительностью. Это не значит, однако, что мы должны отрицать или считать предосудительным самый факт восприятия Радищевым или Эмином передовых идей европейского буржуазного просветительства XVIII столетия. Не следует забывать руководящих указаний на этот счет товарищей Сталина, Кирова и Жданова в „Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР“: „Конспект не отражает роли и влияния западно-европейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазного революционного движения и движения пролетарско-социалистического в России. Авторы конспекта очевидно забыли, что русские революционеры считали себя учениками и последователями известных корифеев буржуазно-революционной и марксистской мысли на Западе“. („К изучению истории“. Партиздат 1937, стр. 23).

Особое возмущение А. Г. Абрамяна вызывает тот неоспоримый факт, что Эмин был знаком с Бёр-

ком. По этому поводу он приводит известную характеристику, данную Марксом Бёрку в связи с его деятельностью в эпоху французской буржуазной революции. Он забывает, однако, сказать о том, что сам автор на четырех страницах (стр. 21—24) останавливается на идейной эволюции Бёрка и показывает, как Бёрк, бывший в дни своей молодости, в эпоху своего знакомства с Эмином, одним из представителей английского просветительства, пришел затем к своим консервативным взглядам. Впрочем тот же А. Г. Абрамян в другом месте обвиняет автора в том, что в своей книге он говорит о разных „мелочах“, в том числе „о раннем периоде деятельности Бёрка“. Если по мнению А. Г. Абрамяна вопрос о воззрениях Бёрка—это „мелочь“, то почему же он сам использует эту „мелочь“ в полемических целях?

В этой связи А. Г. Абрамян ставит автору в упрек и то, что он не приводит высказываний „классиков марксизма“ хотя у них имеется „много высказываний“ „об освободительном движении XVIII века“. Было бы очень интересно знать, какие именно высказывания классиков марксизма об армянском (или ином?) освободительном движении XVIII столетия имеет в виду наш критик?

А. Г. Абрамян указывает также, что принцип автора „состоит в тщательном разыскивании разбросанных в разных уголках мелочей на иностранных языках и цитирование их“. Он при этом забывает сказать, что в книге не только использованы все армянские и

русские печатные источники, но и многочисленные рукописи Матена-дзрана и документы русских архивов. Почему одновременно с этим нельзя приводить и ценные свидетельства тех или иных европейских авторов—А. Г. Абрамян, к сожалению, не объясняет. Он выражает лишь свое возмущение, что на стр. 9—10 при описании тяжелого положения армянского народа под ирано-турецким игом, автор цитирует показания „иезуитских путешественников—обманщиков“, а именно „англичанина Гоуэля, француза Ферьер-Совбефа, англичанина Джорджа Фостера“. „Разве для доказательства этого надо прибегать к иезуитским источникам!“—в негодовании восклицает он.

Скажем нашему уважаемому коллеге по секрету, что служащие Ост-Индской компании Гоуэль и Фостер и французский дипломат Ферьер-Совбеф имеют такое же отношение к иезуитам, как и сам А. Г. Абрамян. Мы дружески рекомендуем ему поскорее опровергнуть это утверждение, а то ведь могут найтись плохие люди, которые припишут это его недостаточным познаниям в области истории.

Значительную часть ошибок автора А. Г. Абрамян приписывает его некритическому подходу к автобиографии Эмина, тому, что он верит на слово всем рассказам Эмина, хотя последний и сообщает часто недостоверные сведения. А. Г. Абрамян при этом „забывает“, что впервые в исторической литературе именно автор подверг автобиографию Эмина критическому анализу. Он тщатель-

но сравнил сведения, приводимые Эмином, в том числе упоминаемые им имена и даты, с другими печатными источниками и архивными материалами. В результате этой кропотливой работы он пришел к следующим общим выводам: „Архивные материалы, дошедшие до нас письма и документы полностью подтверждают все его рассказы, вплоть до малейших и, казалось бы, второстепенных деталей. Все эти данные подчас, правда, значительно дополняют сообщаемые им сведения, но не опровергают их. Самая слабая сторона его мемуаров—это безусловно упоминаемые им сроки и даты... здесь память часто изменяла ему“ (стр. 309).

А. Г. Абрамян имеет, конечно, право оспаривать эти выводы. Но он должен был бы для доказательства этого привести соответствующие факты. Голословные заявления вообще недопустимы, а тем более они недопустимы при критике исторических источников.

А. Г. Абрамян пытается обвинить автора (а кстати и самого Эмина) не только в низкопоклонстве перед Западом. Он одновременно пытается выдвинуть и другие не менее серьезные обвинения. Он утверждает, что „при рассмотрении взаимоотношений кавказских народов“ автор „местами спускается до ступени армянской буржуазной-клерикальной историографии“.

В качестве примера он приводит следующую цитату из книги: „На самом деле он (Эмин) не променял бы одного грузина—христианина на всех магометан Азии“. „Разве историку марксисту подо-

бает выражаться таким стилем“—патетически восклицает по этому поводу наш критик.

Раскроем книгу на указанной странице 198. Там мы прочтем следующее: „Рассказывая обо всем этом, Эмин тут же указывает, что он сознательно вводил горцев в заблуждение, создавая впечатление, что не хотел больше мириться с Ираклием: на самом же деле он не променял бы одного грузина—христианина на всех магометан Азии“. Как видим, здесь приводятся слова не автора, а самого Эмина, который не мог, конечно, выразиться, как „историк-марксист“. А. Г. Абрамян допустил здесь, мягко выражаясь, маленькую погрешность против истины.

Но если даже это так, то все же что преступного в вышеприведенном высказывании Эмина? Из его слов видно, что даже в тот период, когда он находился во враждебных отношениях с Ираклием, он и не думал предпринимать что-либо против Грузии. Пламенный борец за дружбу кавказских народов, поборник тесного объединения армянского и грузинского народов, он, даже враждуя с Ираклием, заявлял, что не променял бы одного грузина на всех персов и турок, которых в своей автобиографии он обычно называет просто „магометанами“.

Не удовлетворяясь этим, А. Г. Абрамян к числу „ошибок“ автора относит и то, что он „во всех местах старается оправдать деятельность Эмина, даже в тех случаях, когда это нельзя“. В качестве примера такой предосудительности деятельности Эмина он ссылается на следующее: „Летом 1766

года Эмин во главе группы лезгинцев предпринимает поход в Закавказье и у озера Севан ограбляет курдов-переселенцев*.

Истина же заключается в следующем. Эмин не возглавлял лезгин (во главе которых стоял их вождь Гусейн), а лишь, в силу сложившихся обстоятельств, находился в их отряде. Он не только не принял участия в ограблении курдов (из всей доставшейся лезгинцам добычи он взял себе лишь немного масла на завтрак), но даже помог вождям курдов бежать из плена и призвать на помощь шамшадидов и армянского Мелик-Носифа с его людьми. Именно поэтому благодарные курды оказали ему значительную услугу во время его пребывания в Шуше, когда его жизни грозила опасность.

Для уяснения „методов“ критики А. Г. Абрамяна, любопытно сравнить следующие две цитаты. В книге мы читаем: „Лезгинам досталась громадная добыча свыше восьмисот пленных, мужчин, женщин, детей и восемь тысяч овец, две тысячи голов крупного рогатого скота, шестьсот кобыл, двенадцать тысяч туманов золотом и серебром, много домашнего скарба и т. д.“ (стр. 210). А. Г. Абрамян излагает же это следующим образом: „Он (Эмин А. И.) берет у них свыше 800 пленных (мужчин, женщин, детей), 8000 овец, 2000 крупного рогатого скота, 600 кобыл, 20.000 туманов денег и т. п.“

Столь точно изложив факты, А. Г. Абрамян квалифицирует затем действия Эмина, как „разбой“, изображая этого выдающегося

представителя армянского освободительного движения простым грабителем. Мы не считаем нужным вступать по этому поводу в полемику с А. Г. Абрамяном. Скажем лишь следующее. Профессору истории армянского народа следовало бы, как нам кажется, иметь больше уважения к памяти человека, посвятившего всю свою жизнь самоотверженной борьбе за свободу этого народа.

Говоря о методах критики А. Г. Абрамяна, можно, кстати, привести и другой пример. Он цитирует следующую фразу: „Симеон имел очень высокое представление об общественной роли католикоса. Он был глубоко убежден в том, что католикос—это глава армянской нации, ответственный за его судьбу“. При этом он подчеркивает слова „католикос—это глава армянской нации“ и далее заявляет, что под этой характеристикой с большой охотой подписался бы любой представитель армянской клерикальной историографии“. Интересно спросить А. Г. Абрамяна— что же по его мнению Симеон не был убежден в том, что католикос—это глава армянской нации? Причем же тут автор, который в данном случае лишь приводит мнение самого Симеона о роли и значении католикоса?

Мы не считаем нужным подробно останавливаться на ряде недостойных выпадов А. Г. Абрамяна, не имеющих прямого отношения к содержанию монографии. Он, например, с серьезным видом обвиняет автора в „научной недобросовестности“ на том основании, что тот не называет имена ряда лиц, которые в той или иной

связи писали или просто упоминали об Эмине, и что, следовательно, он хочет представить свою работу „какой-то сенсационной новостью“.

Если бы сам А. Г. Абрамян придерживался в данном случае элементарной научной добросовестности, то для него было бы ясно следующее. Автор в своей монографии нигде ни прямо, ни косвенно не намекает, что именно он „открыл“ Эмина. Никто не сомневается в том, что о существовании Эмина было известно и до появления данной книги. Но, к сожалению, не было ни одной специальной монографии ему посвященной. Имелись лишь упоминания о нем (иногда в нескольких строчках) в работах общего характера и две-три статьи, пересказывавшие, со многими ошибками и неточностями, содержание его автобиографии.

К сожалению, и упоминаемая А. Г. Абрамяном маленькая статья (19 стр.) М. Г. Нерсисяна не представляет в этом отношении исключение. Это не критический пересказ (даже не по подлиннику, а по переводу) содержания второго издания автобиографии Эмина с приложенным к этому изданию материалами, пересказ, содержащий к тому же очень много ошибок фактического характера.¹ Единственная приводимая там цитата из письма католикоса Симеона Ирак-

лию не является результатом самостоятельного изучения архивных материалов. Это видно из того, что в статье делается ссылка на папку вторую шестого фонда архива Матенадарана. („Известия АрмФАНа“ 1941, № 1/2, стр. 50). Между тем в папке этой имеется не подлинник письма Симеона, а копия с него, сделанная кем то в наши дни. Подлинник же находится в рукописи № 2912, содержащей, наряду с рядом других рукописей, переписку католикоса Симеона. Насколько М. Г. Нерсисян сам не осведомлен о приводимом им письме, видно из того, что он заявляет, что оно написано „в конце 1763 г. или в начале 1764 г. (точную дату пока невозможно установить)“ (там же стр. 50). Между тем элементарное знакомство с первоисточниками дает возможность весьма точно установить эту дату—а именно 25 марта 1764 г.

Кстати сказать, нам было бы любопытно знать, как расценивает А. Г. Абрамян—этот разоблачитель низкопоклонства перед Западом—следующий вывод М. Г. Нерсисяна: „Эмин был сильно воодушевлен английскими порядками. Английские республиканские (sic!) порядки он считал совершенными... Эмин развернул широкую пропаганду, чтобы в Армении и Грузии также создали эти европейские порядки“ (там же, стр. 56). Интересно было бы также знать, счи-

¹ Иногда в одной-двух коротких фразах содержится несколько ошибок. Например: „Обманутый в своих надеждах и обезкураженный, Эмин в конце 1763 г. оставляет Грузию и отправляется в Дагестан. Там он находит хороший прием у горского населения (лезгин) и даже вы-

бирается руководителем воинского отряда“ (там же, стр. 51). Эмин был выслан из Грузии не в конце 1763 г., а в июле 1764 г. он отправился не в Дагестан, а Брагуны (около Кизляра); он вошел там в сношения не с лезгинами, а с чеченцами. И так на каждой странице.

тает ли он правильным утверждение М. Г. Нерсисяна о том, что Эмин осознал роль России в деле освобождения армянского и грузинского народов лишь „в последний период своей деятельности“ (там же, стр. 55)?

Более обстоятельна глава об Эмине в третьем томе „Истории Армении“ выдающегося историка покойного проф. Лео. Но А. Г. Абрамян должен был бы знать, что этот том капитального труда проф. Лео был опубликован лишь в 1946 г., в то время, как монография „Иосиф Эмин“ вышла в свет в 1945 г. и что, следовательно, автор никак не мог сослаться на неизвестную ему работу. Это, однако, не меняет существа дела, так как проф. Лео и в своей „Истории Армении“, как и в своих более ранних произведениях, пользуется лишь данными автобиографии Эмина.

Работа автора является, таким образом, первой в исторической литературе специальной монографией, посвященной Эмину, монографией, основанной на изучении большого круга разнообразных источников, в том числе архивных материалов, и излагающей биографию Эмина на широком фоне исторических событий 60-х годов XVIII столетия. Можно и должно, разумеется, критиковать положения и тезисы автора, но элементарная научная добросовестность требует признать этот факт.

Столь же недостойно и голословное заявление А. Г. Абрамяна о том, что „в выдержках, приведенных из древне-армянских источников имеются ошибки“. Такие утверждения принято делать лишь

приводя конкретные примеры. А. Г. Абрамян этого не делает, так как он и не мог бы привести подобные примеры. Да если бы в приводимых автором выдержках и содержались ошибки, как мог бы выявить их А. Г. Абрамян, собственные публикации текстов которого содержат грубейшие ошибки и искажения (см. рецензии в „Известиях Академии Наук Арм. ССР“ 1944, № 1—2; 1948, № 7 и др.).

В заключение своей рецензии А. Г. Абрамян советует автору основательно пересмотреть свою книгу и исправить допущенные ошибки. Это указание безусловно справедливо. Монография „Иосиф Эмин“, изданная три года назад, действительно имеет ряд серьезных недостатков. Наиболее существенным из них является тот, что автору не удалось детально раскрыть и проанализировать внутренние классовые противоречия в армянском освободительном движении второй половины XVIII столетия. Правда, все эти вопросы поставлены автором в его другом исследовании, вышедшем в свет в 1947 г.: „Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия“. Но это, разумеется, не оправдывает пробелы, имеющиеся в монографии об Эмине.

При переиздании этой работы автор должен несомненно пересмотреть и исправить ее. В этом ему должна помочь научная критика. Но такую помощь может оказать лишь серьезная, дельная, принципиальная критика. „Критика“ А. Г. Абрамяна, исходящая из иных побуждений и преследующая иные цели, к сожалению, не является таковой.

А. Р. Иосифьян